

**Анатолий
Алексин**
Сердечная
недостаточность

ФТМ

Х.И.В.

Анатолий Алексин

Сердечная недостаточность

«ФТМ»

1979

Алексин А. Г.

Сердечная недостаточность / А. Г. Алексин — «ФТМ», 1979

Драматизм отношений между самыми близкими людьми, мучительная память о трагическом прошлом... Анатолий Алексин никогда не осуждает и не выносит приговор – он остро и беспристрастно показывает самую сущность героев, исподволь испытывая и читателя.

© Алексин А. Г., 1979

© ФТМ, 1979

Анатолий Алексин

Сердечная недостаточность

«Вы можете разорвать мое письмо, не прочитав его. Разрешите все же мне, как виновной, произнести последнее слово. Выслушайте меня! Я знаю, за уроки, за опыт надо „платить“. Но я заплатила за свой опыт чужой жизнью. Это преступление... Я понимаю. И, поверьте, проклинаю тот день, когда в длинном списке, напечатанном на машинке, увидела свою фамилию и подумала, что совершилось главное: я принята в университет. На самом-то деле... Разве может подобная строчка решить судьбу человека? За фактом последует другой, за праздником – болезнь, а за строчкой – следующая, быть может, совсем иная. Выслушайте меня!»

... Когда тот список наконец прикрепили к доске объявлений, а спина лаборантки из деканата перестала загоразивать его и я узрела свою фамилию в числе «принятых», мне уже не слышны были чужие вздохи, невидны слезы. Я скатилась по лестнице, зная, что внизу меня ждет Павлуша. Если бы даже случилось землетрясение, я все равно увидела бы его возле университетских дверей.

– Все в порядке! – провозгласила я. Он протянул мне букет, хотя остальные родители ничего, кроме волнений, с собою не принесли.

– Я тоже хотел подняться. Но вдруг бы мы разминулись?

Он всегда казался виноватым, когда преподносил что-нибудь мне или маме. А так как преподносил он почти каждый день, у него постоянно было лицо извиняющегося человека. «Или просто интеллигентного», – сказала мне как-то мама.

– Спасибо за цветы, – дежурно отреагировала я.

Трудно благодарить от души ежедневно. Все, наверно, может стать будничным: и заботы, и готовность пожертвовать за тебя жизнью. Несправедливые чувства... Но Павлуша другого отношения к себе и не ждал.

– Гладиолусов не было. Только гвоздики... Прости меня, – сказал он.

И мы направились к такси, которое, судя по счетчику, уже давно дожидалось моего появления.

– Вечером поедem в Дом художника! – сказал он. – Или журналиста...

– Журналиста? – переспросила я. – Будет пресс-конференция?

Он был вторым маминым мужем. Но вообще-то единственным, потому что первый, по мнению мамы, званий мужа и отца не заслуживал. Мама раз и навсегда присвоила ему титул: «эгоист». Она называла его так не со злостью, а, я бы сказала, с грустью, задумчиво, как бы сравнивая в этот момент с Павлушей.

– Он ни разу ничего не подарил тебе, – печально сообщала мама. – А ведь ты и сейчас обожаешь куклы!

Дарить мне куклы отцу было трудно: он работал инженером-нефтяником в каком-то сибирском поселке, где вряд ли был магазин игрушек.

Отец звонил в день моего рождения, то есть один раз в году. Раздавались анархичные междугородные звонки, и мама говорила:

– Он вспомнил!

Отец поздравлял, спрашивал, как я учусь.

– Отметился, – не с осуждением, а с грустью произносила мама, жалея отца, который лишил себя счастья отцовства. И благодарно поворачивала голову в Павлушину сторону.

– Я сделал что-то не то? – пугался Павлуша.

Он был высоким, полным, и от этого подвижность его проявлялась очень заметно. Он управлялся со своей тяжеловесностью, как хрупкий юный музыкант управляется с громоздкой виолончелью, созданной вроде бы не для него. Пухлое лицо, наивно оттопыренные губы диссонировали с густой мужской сединой. Все эти неожиданные сочетания создавали образ, который нам с мамой был дорог...

Отца моего мама нарекла «эгоистом», а Павлуше навсегда было дано звание «семьянин».

Расписание приемных экзаменов он знал наизусть. И перед каждым из них спрашивал меня по билетам, которые достал откуда-то из-под земли. Я любила, когда Павлуша доставал что-либо «из-под земли», потому что знала: именно там, под землей, таятся самые главные сокровища, именуемые полезными ископаемыми.

Называть его отцом я не могла, так как это слово, ассоциируясь с моим родителем, приобрело у нас в семье отрицательное звучание. Кроме того, мама однажды произнесла фразу, которую запомнили все... Указав на Павлушу, она сказала:

– Он не отец, он – мать!

Павлуша от растерянности стянул с носа очки: получалось, что он посягнул на мамину роль в моей жизни.

Не подходило к нему и холодное слово «отчим». Я стала называть его просто Павлушей. Это панибратство входило в некоторое противоречие с тем, что я обращалась к нему на «вы». Но все на свете с чем-нибудь входит в противоречие.

На «ты» я по необъяснимым причинам перейти не могла.

– Чувства благодарности не хватает, – с грустью сказала мама, жалея меня за эту «нехватку». – Отцовские гены!

Определяющими свойствами Павлуши были безотказность и обязательность, а главным маминым качеством была беззащитность. Слабость, я думаю, явилась той силой, которая и притянула к ней заботливого Павлушу.

Даже в натопленном помещении мама куталась в пуховый платок: ей всегда было холодно и немного не по себе. Она как бы давала Павлуше повод устремлять ей навстречу максимальное количество «внутреннего тепла». А то, что он представлял собой невиданный на земле источник такого тепла, мы с ней чувствовали в любую погоду.

Улыбка у мамы была до того женственной, что все вокруг начинали ощущать настоящую потребность в отважных мужских поступках. Она никого не осуждала, а лишь сожалела о людских несовершенствах, как, например, о папином эгоизме.

Голос у нее был мягкий, в телефонной трубке он растоплялся, как воск, и приходилось помногу раз переспрашивать ее об одном и том же.

Мама была искусной чертежницей. Но доска ее уже много лет находилась дома, возле окна, потому что Павлуша не любил, чтобы мама куда-нибудь отлучалась. Он не говорил об этом, он молча страдал. А мама дорожила его здоровьем и стала «надомницей».

Зная, что Павлуша молчаливо-ревнив, она в общественных местах усаживалась так, чтобы глаза ее по возможности не встречались с глазами посторонних мужчин. И в Доме художника она тоже села лицом к стене... В ответ на угодливые вопросы официанта мама кивала в сторону мужа: дескать, он знает. И он в самом деле безошибочно определял, что нам с ней хочется.

«Для дома, для семьи», – называли его мамини подруги. И всегда с безнадежным укором бросали взгляд на своих мужей.

Мама подчеркивала, что нельзя привыкать к добру, что надо неустанно ценить его, и тогда оно не иссякнет.

– Спасибо, Павлуша, – сказала я. – Еще раз спасибо.

– Нет, – возразил он, с наслаждением наблюдая, как мы едим, – подарок еще впереди!

Он любил, чтобы мы получали удовольствие от еды, от спектаклей, от фильмов.

– Уметь жить чужой радостью – самое редкое искусство, – уверяла мама. – Он им владеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.